

Багдадская встреча

Автор:

Агата Кристи

Багдадская встреча

Агата Кристи

Богатое воображение и неожиданно свалившаяся на голову любовь занесли юную Викторию Джонс на край света, в Багдад, накануне событий мирового значения. Девушка оказывается в эпицентре кровавой политической игры, устроенной организацией фанатиков, рвущейся к власти над миром. Любовь и приключения, шпионаж и убийства, археология и политика – все переплелось в книге великой рассказчицы Леди Агаты!

Агата Кристи

Багдадская встреча

Посвящается всем моим багдадским друзьям

Глава 1

Капитан Кросби вышел из банка с довольным видом – как вкладчик, который снял деньги со счета, а там, оказывается, еще осталось больше, чем он предполагал.

У капитана Кросби часто бывал довольный вид. Такой характер. С собой он был невысок, коренаст, румян, и усы армейские, щеточкой. Походка тоже отчасти армейская, ать-два. Одевался разве что немного пестровато. Зато обожал слушать чужие рассказы. Однополчане его любили. Эдакий бодрячок, звезд с неба не хватает, но душевный. И холост. В общем, человек ничем не примечательный. Таких на Востоке сколько угодно.

Улица, на которую вышел капитан Кросби, именовалась Банк-стрит – по той простой причине, что на ней были расположены чуть не все банки города. В помещении банка стояла полутьма и прохлада и немного пахло затхлостью. В тишине раздавался только стрекот пишущих машинок.

А вот на улице сияло солнце, ветром кружило сор, и воздух дрожал от оглушительной разноголосицы. Настырно гудели автомобили, орали всевозможные разносчики. Люди, сбившись в кучки, отчаянно бранились, казалось, готовые перерезать друг другу глотки, хотя на самом деле были добрыми приятелями; торговцы – мужчины, подростки, детишки – сновали по мостовой, перебегали через улицу, держа подносы, заваленные деревянными поделками, сладостями, апельсинами и бананами, банными полотенцами, гребенками, бритвами и прочим товаром. Постоянно кто-нибудь зычно отхаркивался и смачно сплевывал. И, пробираясь среди машин и пешеходов, тонко, жалобно вопили погонщики ослов и лошадей: «Балек-балек!»[1 - Дорогу! (араб.)]

Было одиннадцать часов утра в городе Багдаде.

Остановив мальчишку, бегущего с охапкой газет, капитан Кросби купил у него свежий номер. И свернул за угол на улицу Рашид,[2 - Ар-Рашид – главная торговая магистраль Багдада; названа именем легендарного халифа Харун-ар-Рашида.] главную городскую магистраль, тянущуюся параллельно берегу Тигра[3 - Тигр – крупная река в Ираке и Турции, сливается с рекой Евфрат. Междуречье Тигра и Евфрата – один из древнейших центров цивилизации (Вавилония, Ассирия, Шумер).] на добрых четыре мили.

Капитан Кросби на ходу скользнул взглядом по газетным заголовкам, скрутил газету трубкой, сунул под мышку и, прошагав ярдов[4 - Ярд – единица длины в системе английских мер, равная 0,9144 м.] двести, очутился на углу узкого переулочка, который привел его на широкое подворье, по-местному – «хан». Он пересек открытый двор и толчком отворил одну из дверей, украшенную медной дощечкой. Внутри оказалась контора.

Навстречу с приветливой улыбкой поднялся аккуратный молодой клерк, местный уроженец.

– Доброе утро, капитан Кросби, чем могу быть полезен?

– Мистер Дэйкин у себя? Хорошо, я пройду к нему.

Он открыл еще одну дверь, поднялся на несколько ступенек, прошел в конец довольно грязного коридора, постучался. Из-за двери ответили:

– Войдите.

Комната с высоким потолком была просторна и почти пуста, – только керосинка, на которой грелась в миске вода, низкая оттоманка,[5 - Оттоманка – широкий мягкий диван с подушками, заменяющими спинку, и с валиками по бокам.] перед ней кофейный столик, поодаль – массивный, довольно обшарпанный письменный стол. Горело электричество, а окна были тщательно зашторены. За обшарпанным столом сидел человек, тоже довольно обшарпанный, у него было усталое, равнодушное лицо неудачника, который сам сознает, что ничего в жизни не добился, но давно уже махнул на все рукой.

Эти двое: бодрый, самоуверенный Кросби и понурый, скучливый Дэйкин – посмотрели друг на друга.

Дэйкин произнес:

– Хэлло, Кросби. Прямо из Киркука?[6 - Киркук – город на северо-востоке Ирака (в Курдистане).]

Гость кивнул. Тщательно закрыл за собой дверь. Она была тоже обшарпанная, плохо выкрашенная, но обладала одним неожиданным свойством: закрывалась плотно, ни щелки, ни зазора ни снизу, ни с боков.

Дело в том, что это была звуконепроницаемая дверь.

Как только она закрылась, в облике обоих действующих лиц произошли некоторые перемены. Капитан Кросби смотрел уже не так вызывающе-самодовольно. Мистер Дэйкин перестал так безнадежно сутулиться, во взгляде его появилась твердость. Присутствуй в комнате кто-то третий, он бы, к своему изумлению, увидел, что главный здесь – Дэйкин.

– Есть новости, сэр? – спросил Кросби.

– Да, – со вздохом ответил Дэйкин. Перед ним на столе лежала бумага, которую он только что кончил расшифровывать. Он обвел две последние буквы и сказал: – Местом назначен Багдад.

Чиркнув спичкой, он поджег листок, выждал, пока бумага вся прогорит, а затем легонько дунул и развеял пепел.

– Да, – повторил он еще раз, – остановились на Багдаде. Двадцатого числа будущего месяца. Нам предписано «соблюдать полнейшую секретность».

– Об этом на базарной площади уже три дня идут разговоры, – сухо заметил Кросби.

Его долговязый собеседник устало усмехнулся.

– Полнейшая секретность! На Востоке полнейшей секретности не бывает, как мы с вами знаем, Кросби.

– Совершенно справедливо, сэр. Да ее и нигде не бывает, на мой взгляд. Во время войны я часто замечал, что парикмахер в Лондоне знает больше, чем верховное командование.

– В данном случае это не так уж и важно. Раз принято решение, что встреча состоится в Багдаде, все равно скоро будет объявлено официально. И вот тут-то начнется наша с вами забава.

– А вы полагаете, она действительно состоится, сэр? – с сомнением спросил Кросби. – По-вашему, дядя Джо[7 - Здесь явный намек на Иосифа Сталина (1879–1953), которого в правительственных кругах Запада именовали не иначе как «дядя Джо».] (так неуважительно у них именовался глава одной из великих европейских держав) всерьез согласен приехать?

– По-моему, на этот раз да, Кросби, – посерьезнев, ответил Дэйкин. – Я считаю, что да. И если встреча произойдет – и пройдет без помех, – это может быть спасением для... для всех. Только бы добиться хоть какого-то взаимопонимания... – Он замолчал.

– Простите, сэр, вы полагаете, что взаимопонимание, хоть в каком-то виде, все же возможно?

– В том смысле, как вы это понимаете, Кросби, может быть, и нет. Если бы речь шла просто о встрече двух человек, представляющих две совершенно разные идеологии, вполне возможно, что дело бы опять кончилось ничем, только еще усилились бы с обеих сторон отчуждение и подозрительность. Но тут есть еще и третий фактор. Если то, что сообщает Кармайкл, при всей невероятности, правда...

– Но, сэр, это не может быть правдой! Это фантастика.

Шеф задумался и молчал. Ему ясно, как вживе, вспомнилось серьезное, встревоженное лицо, тихий невыразительный голос, рассказывающий невероятные, фантастические вещи. И опять, как тогда, он сказал себе: «Одно из двух: либо мой самый лучший, самый надежный агент сошел с ума, либо то, что он говорит, – правда».

А вслух прежним печальным голосом ответил:

– Кармайкл поверил. И все данные только подтверждают его гипотезу. Он решил отправиться в те края и привезти доказательства. Не знаю, прав ли я был, что отпустил его. Если он не вернется, в моем распоряжении будет только то, что

Кармайкл рассказал мне, а ему – кто-то еще. Убедительно ли это прозвучит? Вряд ли. Фантастика, как вы говорите. А вот если двадцатого числа он сам окажется в Багдаде и выступит как прямой очевидец и предъявит доказательства...

– Доказательства? – переспросил Кросби.

Дэйкин кивнул:

– Да, он раздобыл доказательства.

– Откуда это известно?

– Условная фраза. Получена через Салаха Хассана. – Он вдумчиво произнес: – «Белый верблюд с грузом овса прошел через перевал».

Он помолчал. Потом продолжил:

– Так что Кармайкл добыл то, за чем отправился, но навлек на себя подозрения. По его следу идут. Какой бы маршрут он ни избрал, за ним будет вестись наблюдение, и, что самое опасное, здесь ему подготовлена встреча. И не одна. Сначала на границе. А если он все же через границу проберется, то в городе все посольства и консульства будут взяты в кольцо, чтобы не дать ему доступа внутрь. Вот смотрите.

Дэйкин перебрал пачку бумаг на столе и зачитал одну:

– «Застрелен – по-видимому, бандитами – англичанин, путешествовавший на собственной машине из Персии в Ирак». «Курдский купец, спустившийся с гор, попал в засаду и был убит». «Другой курд, Абдул Хассан, расстрелян в полиции по подозрению в контрабанде сигарет». «На Ровандузской дороге обнаружен труп мужчины, впоследствии опознан: армянин, водитель грузовика». И все жертвы, заметьте, объединяет некоторое приблизительное сходство. Рост, вес, волосы, телосложение примерно соответствуют описанию Кармайкла. Так что там не полагаются на авось. Их действия имеют целью перехватить его во что бы то ни стало. В Ираке же его ждет еще больше опасностей. Садовник в посольстве, прислуга в консульстве, служащий в аэропорту, в таможне, на

железнодорожном вокзале... Все гостиницы под наблюдением... плотное, неразрывное кольцо.

Кросби вздернул брови.

- Вы думаете, такая широкая организация, сэр?

- Без сомнения. А утечки происходят даже в нашем ведомстве. И это самое ужасное. Могу ли я быть уверен, что предпринимаемые нами меры для благополучного прохода Кармайкла в Багдад уже не стали известны той стороне? Самый простой шаг в игре, как вы знаете, - перекупить кого-нибудь в чужом лагере.

- И у вас есть... э-э... подозрения?

Дэйкин медленно покачал головой.

Кросби перевел дух.

- Ну, а пока, - проговорил он, - мы продолжаем выполнять приказ?

- Да.

- А как насчет Крофтона Ли?

- Он согласился приехать в Багдад.

- Все съезжаются в Багдад, - сказал Кросби. - Даже дядя Джо, как вы сказали, сэр. Но если здесь что-нибудь случится с президентом, аэростат, как говорится, взовьется на недостижимую высоту.

- Не должно ничего случиться, - сказал Дэйкин. - На то здесь мы. Чтобы ничего не случилось.

Кросби ушел, а Дэйкин остался сидеть, горбясь над столом.

- В Багдад съезжаются гости... - пропел он себе под нос.

Он нарисовал на промокательной бумаге круг, подписал: «Багдад», вокруг точечками изобразил верблюда, самолет, пароход, паровозик с дымом. А в углу - нечто вроде паутины, в середине паутины - имя: «Анна Шееле». И снизу большой вопросительный знак.

Затем надел шляпу и вышел из конторы. На улице Рашид один прохожий спросил у другого, кто это.

- Вон тот? Да это же Дэйкин. Служит тут в одной нефтяной компании. Вообще он ничего. Но размазня. Всегда будто со сна ходит. И пьет, говорят. Безнадежный случай. В здешних краях кто не напорист - ничего не добьется.

2

- Данные по имуществу Кругенхорфа у вас готовы, мисс Шееле?

- Да, мистер Моргенталь.

Мисс Шееле, невозмутимая и безупречная, положила на стол босса требуемые бумаги.

Он прочитал и удовлетворенно крякнул.

- По-моему, неплохо.

- Я тоже так думаю, мистер Моргенталь.

- Шварц уже здесь?

- Дождидается в приемной.

- Давайте его сюда.

Мисс Шееле нажала соответствующую кнопку – одну из шести.

– Я вам не нужна, мистер Моргенталь?

– Как будто бы нет, мисс Шееле.

Анна Шееле бесшумно выскользнула из кабинета.

Она была платиновая блондинка – но совсем невидная из себя. Льняные волосы гладко зачесаны со лба назад и сколоты валиком на затылке. Умные голубые глаза загорожены толстыми стеклами очков. Личико аккуратное, но невыразительное. Нет, положения в жизни она добилась не женским обаянием, а исключительно высокой компетентностью. Она держала в голове все: имена, даты, сроки – и не нуждалась ни в каких записях. Деятельность крупного учреждения она организовала так, что оно у нее работало, как хорошо смазанный механизм. Воплощенная ответственность, она обладала неисчерпаемой энергией, была всегда сдержанна и безукоризненно владела собой.

Отто Моргенталь, глава международной банкирской фирмы «Моргенталь, Браун и Шипперке», отлично сознавал, что обязан Анне Шееле очень многим, чего ни за какие деньги не купишь. Он доверял ей безоговорочно. Ее память, опыт, ее хладнокровный, четкий ум не имели цены. Он платил ей высокое жалованье и готов был надбавить еще по первому ее намеку.

Она знала досконально не только его бизнес, но и его личную жизнь. Он советовался с ней, когда возникли сложности со второй миссис Моргенталь, – это она порекомендовала развод, и она же назвала сумму алиментов. И ни соблезнований, ни любопытства. Не в ее характере, так считал мистер Моргенталь. Он вообще не представлял себе, чтобы у нее могли быть какие-то личные чувства, и никогда не задавался вопросом, о чем она думает. По его понятиям, у нее и мыслей никаких быть не могло – то есть, конечно, посторонних мыслей, не связанных с компанией «Моргенталь, Браун и Шипперке» и с его, Отто Моргенталем, личными трудностями.

Потому не было предела его изумлению, когда, направляясь к двери, она сказала:

– Я хотела бы, если можно, получить отпуск на три недели, мистер Моргенталь. С будущего вторника.

Он вылупил глаза и смущенно пробурчал в ответ:

– Э-э-э, это было бы крайне некстати. Крайне.

– Не возникнет ни малейших затруднений, мистер Моргенталь. Мисс Уайгет вполне со всем справится. Я оставлю ей свои записи и подробные указания. А слиянием компаний Эшера займется мистер Корнуолл.

Все так же растерянно мистер Моргенталь осведомился:

– Вы ведь... это... м-м-м... не по болезни?

Что мисс Шееле способна заболеть, казалось ему невыносимым. Даже микробы должны из почтения держаться от нее в стороне.

– О нет, мистер Моргенталь. Я хочу съездить в Лондон повидаться с сестрой.

– С сестрой? – Он и не знал, что у нее есть сестра. По его понятиям, у мисс Шееле вообще не могло быть родных и близких. И она ни о чем таком до сих пор никогда не заикалась. А вот теперь, пожалуйста, сестра в Лондоне. В прошлом году осенью она сопровождала его в поездке в Лондон, и тогда ни о какой сестре речи не было.

Со справедливой укоризной в голосе он сказал:

– Первый раз слышу, что у вас есть сестра в Англии.

– Есть, мистер Моргенталь, – чуть-чуть улыбнувшись, ответила мисс Шееле. – Замужем за англичанином, сотрудником Британского музея.[8 - Британский музей – один из крупнейших музеев мира, в Лондоне, открыт в 1759 году. Памятники первобытного, древневосточного, средневекового искусства, собрания рисунков, гравюр, рукописей, керамики, монет, медалей.] Ей предстоит серьезная операция, и она просит, чтобы я находилась при ней. Я хочу поехать.

Иными словами, как понял Отто Моргенталь, она уже твердо решила, что поедет.

– Хорошо, хорошо, – ворчливым тоном сказал он. – Но возвращайтесь по возможности скорее. Рынок еще никогда так не лихорадило. Всё они, коммунисты. Того гляди, война разразится. Мне иногда вообще представляется, что это единственный выход. Здесь от них уже просто житья не стало, совершенно житья не стало. А теперь президент надумал ехать к ним на конференцию в Багдад. На мой взгляд, это обыкновенный обман. Они его заманивают. Багдад, видите ли! Жутче места не нашли!

– Ничего, я уверена, что его будут очень бдительно охранять, – попыталась успокоить его мисс Шееле.

– В прошлом году они захватили иранского шаха, помните? В Палестине захватили Бернадотта.[9 - Бернадотт - шведский дипломат, в 1949 году был похищен палестинскими террористами.] Безумие, вот что это такое. Чистое безумие. Весь мир сошел с ума, честное слово, – сумрачно заключил мистер Моргенталь.

Глава 2

Виктория Джонс грустно сидела на скамейке в сквере Фиц-Джеймс-Гарденс, с головой уйдя в скорбные – даже, пожалуй, покаянные – мысли о том, как нехорошо свои природные таланты пускать в ход где не надо.

Виктория, как и все мы, обладала и достоинствами и недостатками. Из положительных ее свойств назовем великодушие, добросердечие и храбрость. Некоторый природный авантюризм можно рассматривать и так и эдак – слишком высоко ценятся в наш век стабильность и надежность. Главным же пороком ее была склонность лгать, причем и в подходящие, и в совершенно не подходящие моменты. Вымысел для нее всегда был неизмеримо соблазнительнее правды. Виктория лгала гладко, непринужденно и вдохновенно. Если она опаздывала на работу (что случалось достаточно часто), ей мало было пробормотать в свое оправдание, что у нее, мол, часы остановились (хотя так оно нередко и бывало) или что долго не приходил автобус. Она предпочитала рассказать, что поперек

улицы на пути у автобуса лежал сбежавший из зоопарка слон или что в магазин, куда она забежала по дороге, ворвались налетчики, и пришлось помогать полиции в их поимке. Если бы по Стрэнду рыскали тигры, а в Тутинге[10 - Тутинг - лесопарковая зона на юге Лондона.] бесчинствовали кровожадные бандиты - вот это была бы жизнь по ней.

Виктория - тоненькая девушка, у нее неплохая фигурка и красивые, стройные ноги, а личико хоть и аккуратное, но, надо признать, довольно простенькое. Зато она умеет корчить самые невероятные, уморительные гримасы и очень похоже изображать кого угодно. Один поклонник даже прозвал ее «Резиновая мордашка».

Именно этот талант и довел ее до неприятностей. Она работала машинисткой у мистера Гринхольца в конторе «Гринхольц, Симмонс и Лидербеттер», что на Грейсхолм-стрит, W. C. 2, и однажды утром на досуге развлекала остальных трех машинисток и конторского мальчика, показывая в лицах, как миссис Гринхольц навещает мужа на работе. Уверенная, что опасаться нечего, поскольку мистер Гринхольц отбыл к своему поверенному, Виктория пустилась во все тяжкие.

- Почему, папочка, нам не купить такое хорошенькое канапе,[11 - Канапе - небольшой диван с приподнятым изголовьем.] как у миссис Дивтакис? - тонким визгливым голосом вопрошала она. - Знаешь, у нее стоит с голубой атласной обивкой? Ты говоришь, с деньгами туго, да? Зачем же ты тогда водишь свою блондинку в ресторан обедать и танцевать? А-а, думаешь, я не знаю? То-то. Раз ты водишь блондинку, то я покупаю канапе, обивка лиловая и золотые подушечки. И очень даже глупо с твоей стороны, папочка, говорить, что это был деловой обед, да. И являться домой обмазанным губной помадой. Так что я покупаю канапе, и еще я заказываю себе меховую накидку - очень прекрасную, под норку, просто не отличишь, совсем-таки дешево и выгодно...

Тут странное поведение публики, только что замороженно ей внимавшей и вдруг дружно схватившейся за работу, побудило Викторю оборвать представление и обернуться к дверям - на пороге стоял мистер Гринхольц и взирал на нее.

Виктория не нашлась что сказать и только произнесла: «О!»

Мистер Гринхольц крикнул.

Он сбросил пальто, ринулся к себе в кабинет и хлопнул дверью. И сразу же заработала его жужжалка: два коротких звука и один протяжный. Это он вызывал Викторию.

– Тебя, Джонси, – без надобности уточнила одна из подружек по работе, и глаза ее вспыхнули злорадством. Две другие разделили это благородное чувство, выразив его одна восклицанием: «Ну и влетит тебе, Джонс», – а другая повторным призывом: «На ковер, Джонси». Конторский мальчик, несимпатичный подросток, ограничился тем, что провел пальцем себе поперек шеи и зловеще прищелкнул языком.

Виктория прихватила блокнот с карандашом и явилась в кабинет мистера Гринхольца, мобилизовав всю свою самоуверенность.

– Я вам нужна, мистер Гринхольц? – поинтересовалась она, устремив на него невинный взор.

Мистер Гринхольц шуршал тремя фунтовыми бумажками и шарил по карманам в поисках мелочи.

– Ага, пришли, – заметил он. – Так вот, моя милая, с меня довольно. Я намерен немедленно выплатить вам выходное в размере недельного жалованья и прямо сейчас отправить вас отсюда на все четыре стороны. Попробуйте на это что-нибудь возразить, если сможете.

Виктория, круглая сирота, открыла было рот, чтобы приступить к рассказу о том, что ее бедная мамочка ложится на операцию и она, Виктория, так расстроена, что почти ничего не соображает, а ее маленькое жалованье – единственный для нее и вышеупомянутой мамочки источник существования... Как вдруг, взглянув в квелое лицо мистера Гринхольца, передумала и вместо этого радостно и убежденно произнесла:

– Совершенно, совершенно с вами согласна, мистер Гринхольц. По-моему, вы абсолютно, ну абсолютно правы.

Мистер Гринхольц немного опешил. Он не привык, чтобы изгоняемые им служащие так приветствовали и одобряли его решение. Пряча растерянность, он пересчитал монеты у себя на столе и со словами: «Девяти пенсов не хватает» –

снова взялся угрюмо шарить по карманам.

- Ну и бог с ними, - любезно сказала Виктория. - Можете сходить на них в кино или купить шоколадку.

- И марки тоже, по-видимому, кончились.

- Не имеет значения. Я все равно писем не пишу.

- Я мог бы послать вам по почте, - неуверенно предложил мистер Гринхольц.

- Не беспокойтесь, - ответила Виктория. - А вот как насчет отзыва о работе?

Мистер Гринхольц снова ощутил прилив негодования.

- С какой стати я буду писать вам отзыв? - возмущенно спросил он.

- Принято так, - пожала плечами Виктория.

Мистер Гринхольц притянул к себе листок бумаги, начертал несколько строк и пододвинул к ней:

- Устроит вас?

«Мисс Джонс два месяца работала у меня секретарем-машинисткой. Стенографирует неточно, пишет с ошибками, оставляет службу из-за напрасной траты рабочего времени».

Виктория поморщилась.

- Что-то не похоже на рекомендацию, - заметила она.

- А я и не собирался вас рекомендовать.

- По-моему, вы должны по крайней мере написать, что я честная, непьющая и порядочная, потому что это чистая правда. И может быть, еще, что не болтаю

лишнего.

- Это вы-то?

- Именно я, - тихо ответила Виктория, невинно глядя ему в глаза.

Мистер Гринхольц припомнил кое-какие письма, писанные Викторией под его диктовку, и решил, что осторожность - лучшее оружие мести.

Он разорвал первый листок и написал на втором: «Мисс Джонс два месяца работала у меня секретарем-машинисткой. Оставляет службу по причине сокращения штата».

- Так годится?

- Могло быть и лучше, - сказала Виктория, - но сойдет.

И вот теперь, с недельным жалованьем (минус девять пенсов) в сумочке, Виктория сидела на скамейке в сквере Фиц-Джеймс-Гарденс, представляющем собою обсаженный чахлым кустарником треугольник с церковью в середине и большим магазином сбоку.

У Виктории была привычка, если только не шел дождь, купив себе в молочном баре один сэндвич с сыром и один - с помидором и листиком салата, съесть свой скромный обед здесь, как бы на лоне природы.

Сегодня, задумчиво жуя, она опять и опять ругала себя - могла бы, кажется, знать, что всему свое место и время и совсем не стоит передразнивать на работе жену начальника. Впредь надо научиться обуздывать свой темперамент и не скрашивать такими шуточками скучную работу. Ну, а пока, освободившись от «Гринхольца, Симмонса и Лидербеттера», Виктория с удовольствием предвкушала, как поступит на новое место. Она всегда обмирала от радости, в первый раз выходя на работу, - мало ли что там тебя ждет.

Она только что раздала последние хлебные крошки трем бдительным воробьям, которые тут же затеяли из-за них отчаянную драку, когда заметила, что на

другом конце скамейки сидит невесть откуда взявшийся молодой человек. Собственно, она видела, что кто-то к ней подсел, но, поглощенная добродетельными намерениями на будущее, не обратила внимания. Зато теперь хоть и краешком глаза, но рассмотрела и восхитилась. Парень был безумно хорош собой, кудри как у херувима, волевой подбородок и ярко-голубые глаза, и, кажется, он тоже украдкой вполне одобрительно поглядывал на нее.

Виктория вовсе не считала зазорным знакомиться с молодыми людьми в общественных местах. Как большой знаток человеческой природы, она не сомневалась, что легко даст своевременный отпор любой наглости с их стороны.

Так что она открыто улыбнулась, и херувим сразу отреагировал, словно марионетка, которую дернули за веревочку.

- Привет, - сказал он. - Славный здесь уголок. Ты часто сюда приходишь?

- Почти каждый день.

- А я вот в первый раз, надо же. Это весь твой обед был - два сандвича?

- Да.

- По-моему, ты мало ешь. Я бы с такой кормежки умер от голода. Пошли поедим сосисок в закусочной на Тоттенхэм-Корт-роуд?

- Нет, спасибо. Я уже наелась. Сейчас больше не влезет.

Она втайне ожидала, что он скажет: «Тогда в другой раз». Но он не сказал. Только вздохнул. А потом представился:

- Меня Эдвард зовут. А тебя?

- Виктория.

- Твои предки назвали тебя в честь железнодорожного вокзала?[12 - Виктория - большой лондонский вокзал, соединяет столицу с портами на южном побережье Англии.]

– Виктория – это не только вокзал, – возразила образованная мисс Джонс. – Есть еще и королева Виктория.[13 - Королева Виктория (1819–1901) – королева Великобритании с 1837 года, последняя из Ганноверской династии.]

– Д-да, верно. А фамилия?

– Джонс.

– Виктория Джонс, – повторил Эдвард, как бы пробуя на язык. И покачал головой:
– Не сочетается.

– Правильно, – горячо подхватила Виктория. – Если бы, например, я была Дженни, получилось бы хорошо: Дженни Джонс. А для Виктории фамилия нужна пошикарнее. Скажем, Виктория Сэквилл-Уэст. В таком роде. Чтобы подольше во рту подержать.

– Можно подставить что-нибудь перед «Джонс», – с пониманием посоветовал Эдвард.

– Бедфорд-Джонс.

– Кэрисбрук-Джонс.

– Сент-Клер-Джонс.

– Лонсдейл-Джонс.

Но тут этой приятной игре пришел конец, потому что Эдвард взглянул на часы и ужаснулся:

– Черт!.. Я должен мчаться к хозяину, чтоб ему!.. А ты?

– Я безработная. Меня сегодня утром уволили.

– Вот тебе раз. Очень жаль! – искренне огорчился Эдвард.

– Можешь меня не жалеть, я, например, нисколько не жалею. Во-первых, я запросто устроюсь на другую работу. А во-вторых, это вышло очень забавно.

И Виктория, еще дольше задержав опаздывавшего Эдварда, с блеском воспроизвела перед ним всю давешнюю сцену, включая свою пародию на миссис Гринхольц, чем привела его в полнейший восторг.

– Ну, Виктория, ты просто чудо, – сказал он. – Тебе бы в театре выступать.

Виктория приняла заслуженную похвалу с улыбкой и напомнила Эдварду, что ему надо бежать со всех ног, иначе он тоже окажется без работы.

– Точно. А мне-то устроиться снова будет потруднее, чем тебе. Хорошо тому, кто стенографирует и печатает на машинке, – с завистью заключил Эдвард.

– Ну, честно сказать, я стенографирую и печатаю довольно неважно, – призналась Виктория. – Но сейчас даже самая никудышная машинистка легко найдет работу – на худой конец в сфере образования или общественного призрения, они там много платить не могут, вот и нанимают таких, как я. Мне больше нравится работа научная. Разные там ученые термины и фамилии, они такие заковыристые, их все равно никто не знает, как правильно писать, поэтому не так стыдно, если сделаешь ошибку. А ты где работаешь? Ты демобилизованный? Из авиации, да?

– Угадала.

– Военный летчик?

– Опять угадала. О нас, конечно, заботятся, работу подыскивают, и всякое такое, да только мы ведь не очень башковитая публика, нас не за то в пилоты зачисляли, верно? Определили меня в учреждение, а там бумажки, цифирь разная, ну, я и не выдержал, запросил пARDону. Бестолковое какое-то занятие. Но все равно неприятно сознавать, что ты плохой работник.

Виктория понимающе кивнула. А Эдвард с горечью продолжал:

– Вот и остался не у дел. Выпал из обоймы. На войне-то хорошо было, там знаешь, чего от тебя требует солдатский долг, – я, например, медаль «За доблесть в авиации» заработал, – а вот теперь... похоже, надо ставить на себе крест.

– Но должно же быть что-то...

Виктория не договорила. У нее не нашлось слов, чтобы выразить горячее убеждение в том, что талантам, которые увенчаны медалью «За доблесть в авиации», должно найтись применение и в мирном 1950 году.

– Сильно мне это поджилки подрезало, что вот я ни на что не гожусь, – со вздохом сказал Эдвард. – Ну, мне все-таки пора. Послушай... можно я... ты не будешь считать меня последним нахалом, если я...

Виктория, замирая и краснея, посмотрела на него в смятении, а он меж тем извлек на свет миниатюрный фотоаппарат.

– Я бы очень хотел снять тебя на память. Понимаешь, я завтра улетаю в Багдад.

– В Багдад! – разочарованно пискнула Виктория.

– Да. Теперь уж и сам не рад. А еще сегодня утром был на седьмом небе. Я для того и поступил на эту работу, чтобы уехать из страны.

– А что за работа?

– Да жуть какая-то. Культура – поэзия там разная, в таком духе. Под началом некоего доктора Ратбоуна. У него после фамилии еще хвостом буквы идут, целая строчка всяких званий, и пенсне на носу. Работает над подъемом духовности и насаждает ее по всему миру. Открывает книжные магазины на краю света, за этим и в Багдад летим. Всегда в продаже переводы Шекспира[14 - Шекспир Вильям (1564–1616) – английский поэт и драматург. Крупнейший гуманист эпохи Возрождения.] и Мильтона[15 - Милтон Джон (1608–1674) – английский поэт и политический деятель. Основные литературные произведения – «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», где, используя библейские сюжеты и образы, он отразил события английской революции XVII века.] на арабский, курдский,

персидский, армянский и прочие языки. Глупо, по-моему, ведь этим же вроде занимается за границей Британский совет.[16 - Британский совет - правительственная организация по развитию культурных связей Великобритании с зарубежными странами.] Но вот так. И мне работка досталась, так что я не в претензии.

- А какие у тебя обязанности? - спросила Виктория.

- Да так, в сущности я просто у старика на подхвате, сумку ношу да подлаиваю. Покупка билетов, заказ мест в гостинице, заполнение бланков, присмотр за упаковкой поэтических хрестоматий, вообще беготня туда-сюда. Потом, когда мы прибудем на место, я должен брататься с разной публикой - молодежное движение, знаешь? - нации и народы, объединяйтесь в борьбе за всеобщую духовность! - В голос Эдварда закралась тоскливые нотки. - Гадость, если честно сказать, правда?

Виктория ничего не смогла на это возразить.

- Ну, и вот, - сказал Эдвард, - ты... это... если только можно... я щелкну тебя? Один снимок в профиль, и еще один... смотри прямо на меня... Чудно.

Фотоаппарат дважды цвиркнул. Виктория слегка разомлела от самодовольства, как это свойственно молодым представительницам прекрасного пола, когда они видят, что произвели впечатление на симпатичного мужчину.

- Досадно, что я должен теперь уезжать, когда познакомился с тобой, - вздохнул Эдвард. - Я даже думаю, может, отказаться? Но, наверно, сейчас уже нельзя, в последнюю минуту, когда все эти чертовы анкеты заполнены, визы получены... Нехорошо. Так не делают, верно?

- Еще, глядишь, и работа окажется не такая уж плохая, - утешила его Виктория.

- Кто ее знает, - с сомнением ответил Эдвард. - И что странно, скажу я тебе, у меня такое чувство, что там вроде бы не все ладно.

- Не все ладно?

– Ну да. Подозрительное что-то. А почему, не спрашивай. Не могу объяснить. Бывает такое, как бы шестое чувство. У меня один раз было – ну, беспокоит меня левое сопло, и все. Стал разбирать, а там тряпка в насосе застряла.

Технические подробности в его рассказе были ей недоступны, но идея понятна.

– Думаешь, он не тот, за кого себя выдает, твой Ратбоун?

– Да нет, едва ли, с чего бы ему? Человек всеми уважаемый, ученый, член всяких там обществ, с архиепископами и ректорами университетов на короткой ноге. Нет, просто ощущение у меня такое... Ладно... Время покажет. Ну, пока. Жаль, что ты с нами не летишь.

– Мне тоже, – честно призналась Виктория.

– А ты что собираешься делать?

– Поеду в агентство по найму на Гауэр-стрит, поищу какое-нибудь место, – с тоской ответила Виктория.

– Прощай, Виктория. Партир, сэ мурир он пё,[17 - Уехать – значит отчасти умереть (искаж. фр.)] – добавил Эдвард с типично британским выговором. – Французы, они знают, что говорят. А наши англичане несут всякую чепуху про сладкую боль расставания,[18 - Слова Ромео в сцене прощания с Джульеттой (акт II, сц. 2).] олухи.

– Прощай, Эдвард, удачи тебе.

– Ты обо мне небось и не вспомнишь никогда.

– Вспомню, – сказала Виктория.

– Ты совсем не похожа на других девушек, я таких не видел... Эх, если бы... – Но тут на часах отбило четверть, и Эдвард, пробормотав: «Черт. Надо бежать!» – торопливо зашагал прочь. Его поглотила огромная пасть Лондона. А Виктория осталась сидеть на скамейке, и мысли ее текли сразу по двум направлениям.

С одной стороны, она думала о Ромео и Джульетте. Она и Эдвард очутились, на ее взгляд, приблизительно в том же положении, что и знаменитая трагическая пара, разве что только те выражали свои чувства поизысканнее. А так – одно к одному. Встретились – с первого взгляда потянулись друг к другу, – но непреодолимые преграды – и два любящих сердца разлучены. Виктории вспомнился стишок, который любила приговаривать ее старая няня:

Говорил Алисе Джумбо: я в тебя влюблен.

А ему Алиса: ах ты, пустозвон!

Да если б ты взаправду всерьез меня любил,

Ты б тогда в Америку без меня не укатил!

Подставить вместо Америки Багдад – и как будто про нее написано!

Виктория встала со скамейки, отряхнула крошки с подола и, выйдя из сквера, деловито зашагала в сторону Гауэр-стрит. Она пришла к двум очевидным выводам. Во-первых, она (как Джульетта) влюбилась и должна добиться торжества своей любви.

А во-вторых, поскольку Эдвард уезжает в Багдад, ей ничего не остается, как отправиться туда же. С этим все ясно. Но теперь ее занимал вопрос: как осуществить принятое решение? Что в принципе это возможно, Виктория не сомневалась. Она была оптимистка и девица с характером.

«Сладкая боль расставания» устраивала ее не больше, чем Эдварда.

– Мне надо в Багдад, – сказала себе Виктория.

Глава 3

В отеле «Савой» мисс Анну Шееле как давнюю и уважаемую клиентку встретили с подобострастием: осведомились о здоровье мистера Моргенталя, выразили готовность немедленно сменить ее номер «люкс» на другой, если этот не вполне устраивает, – ведь Анна Шееле олицетворяла собой доллары.

Мисс Анна Шееле приняла ванну, привела себя в порядок, позвонила по кенсингтонскому[19 - Кенсингтон – рабочий район Лондона на южном берегу реки Темзы.] номеру телефона и на лифте спустилась в холл. Пройдя через вращающуюся дверь на улицу, она попросила позвать такси. Шоферу было велено ехать в магазин «Картье»[20 - «Картье» – известный ювелирный магазин, расположенный на Бонд-стрит.] на Бонд-стрит.[21 - Бонд-стрит – одна из главных торговых улиц Лондона; известна фешенебельными магазинами, особенно ювелирными, и частными картинными галереями. На Бонд-стрит жил национальный герой Британской империи адмирал Нельсон (1758–1805).]

Едва ее такси свернуло за угол на Стрэнд, как щедушный смуглый господин, упоенно разглядывавший витрину, спохватился, взглянул на часы и поспешно сел в свободное такси, которое как раз тут же и подвернулось, а всего минуту назад проехало, будто сослепу, мимо взывавшей о помощи женщины с покупками.

Господин поехал по Стрэнду, не упуская из виду первое такси. Когда обе машины задержались у светофора на Трафальгар-сквер,[22 - Трафальгар-сквер – площадь в центральной части Лондона; одно из известнейших мест города; здесь проводятся различные митинги и демонстрации, на площади находится памятник адмиралу Нельсону; названа в память о победе английского флота в трафальгарском сражении.] он высунулся в оконце с левой стороны и слегка взмахнул рукой. Стоявшая в переулке у арки Адмиралтейства[23 - Адмиралтейство – здание в Лондоне, где до 1964 года находилось Адмиралтейство – Военно-морское министерство Великобритании.] частная автомашина сразу тронулась с места, влилась в поток уличного движения и пристроилась в хвост первому такси.

Дали зеленый свет. Машина Анны Шееле была в крайнем ряду и вместе со всем потоком свернула влево на Пэл-Мэл.[24 - Пэл-Мэл – улица в центральной части Лондона, на которой расположены несколько известных клубов.] Такси со смуглым господином поехало направо, продолжая движение вокруг Трафальгар-сквер. А частник в сером «Стандарде» шел почти вплотную за Анной Шееле. В

нем сидели двое: слегка рассеянного вида блондин за рулем и подле него нарядная молодая дама. Преследуя такси Анны Шееле, они проехали по Пикадилли,[25 - Пикадилли – одна из главных улиц в центральной части Лондона.] свернули на Бонд-стрит. Здесь «Стандард» притормозил, нарядная дама выпорхнула на тротуар. Она любезно бросила через плечо: «Благодарю!» – и блондин в «Стандарде» тронулся дальше. А дама пошла по Бонд-стрит, то и дело заглядывая в витрины. На улице тем временем снова образовалась пробка. Так что, обогнав и «Стандард», и такси Анны Шееле, дама первой дошла до ювелирного магазина фирмы «Картье» и скользнула внутрь.

Анна Шееле расплатилась с таксистом и тоже вошла в магазин «Картье». Там она провела какое-то время, разглядывая украшения. В конце концов выбрала кольцо с сапфиром и бриллиантами. Выписала чек на один лондонский банк. Прочтя название банка, продавец и вовсе изогнулся от подобострастия.

– Счастлив видеть вас снова в Лондоне, мисс Шееле. Мистер Моргенталь тоже пожаловал?

– Нет.

– Я подумал, у нас есть один превосходный «звездный» сапфир – я знаю, он интересуется крупными сапфирами. Может быть, вы согласитесь взглянуть?

Мисс Шееле выразила согласие, полюбовалась сапфиром и обещала непременно доложить о нем мистеру Моргенталю. После чего снова вышла из магазина на Бонд-стрит, и тогда нарядная молодая дама, разглядывавшая клипсы, пробормотав, что прямо не знает, на чем остановить выбор, тоже вышла следом за нею.

Серый «Стандард» к этому моменту сделал круг по Графтон-стрит и по Пикадилли и как раз снова оказался на Бонд-стрит. Но дама его даже не заметила.

Анна Шееле свернула под Аркаду и вошла в цветочный магазин. Заказала три дюжины роз на длинных стеблях, чашу крупных душистых фиалок, дюжину веток белой сирени и вазу мимозы. И дала адрес, куда доставить.

– Двенадцать фунтов восемнадцать шиллингов, мадам.

Анна Шееле расплатилась и ушла. Посетительница, вошедшая следом за ней, только справилась о цене букета примул, но купить ничего не купила.

Анна Шееле перешла через улицу, свернула сначала на Берлингтон-стрит и еще раз – на Сэвил-роу.[26 - Сэвил-роу – улица в Лондоне, где расположены дорогие мужские ателье.] Здесь она вошла в портняжное ателье, где шили, вообще говоря, на мужчин, но в порядке исключения иногда снисходили до того, чтобы скроить костюм для особо привилегированных представительниц женского пола.

Мистер Болфорд приветствовал мисс Шееле с сердечностью, причитающейся самым дорогим заказчиком, и на обозрение были представлены разнообразные ткани для костюма.

– К счастью, я могу гарантировать вам экспортное исполнение. Вы когда едете обратно, мисс Шееле?

– Двадцать третьего.

– К этому сроку мы вполне успеем. Морем, надеюсь?

– Да.

– А как обстоят дела в Америке? У нас тут очень прискорбно, очень прискорбно. – Мистер Болфорд покачал головой, как врач у постели пациента. – Все, понимаете ли, делается без души. Люди разучились гордиться хорошей работой. Знаете, кто будет кроить ваш костюм, мисс Шееле? Мистер Лэнтвик. Ему семьдесят два года, но он у меня единственный, кому можно доверить раскрой для наших лучших заказчиков. Все же остальные...

Мистер Болфорд решительно отвел «остальных» своими пухлыми ручками.

– Качество! – продолжал он. – Вот чем славилась эта страна. Качеством! Никакой дешевки, безвкусицы. Когда мы беремся за массовую продукцию, у нас не получается, что верно, то верно. На этом специализируется ваша страна, мисс Шееле. А наше дело, не устаю повторяться, – качество. Не жалеть времени, не жалеть труда и создавать такие изделия, которым во всем мире не сыскать

равных. Так когда назначим первую примерку? Ровно через неделю? В одиннадцать тридцать? Благодарю вас.

Чуть не ошупью пробравшись в архаичном сумраке между штукаами сукна, Анна Шееле снова вышла на свет божий, остановила такси и возвратилась в отель «Савой».[27 - «Савой» – одна из самых фешенебельных лондонских гостиниц на улице Стрэнд.] Другое такси, стоявшее на противоположной стороне улицы, уже занятое смуглым тщедушным пассажиром, двинулось следом, но к парадным дверям «Савоя» не свернуло, а объехало здание по Набережной и здесь подобрало коротконогую толстуху, вышедшую из служебного входа.

– Ну как, Луиза? Обыскала номер?

– Да. Ничего нет.

Анна Шееле пообедала в ресторане. Для нее был резервирован столик у окна. Метрдотель любовно справился о здоровье мистера Моргенталя.

Пообедав, Анна Шееле взяла у портье ключ и поднялась в свой номер «люкс». Постель была застлана, полотенца в ванной свежие, нигде ни пылинки. Анна подошла к двум легким чемоданам, составлявшим весь ее багаж. Один был заперт, другой нет. Она бросила взгляд на содержимое незапертого чемодана, потом достала ключик и отперла второй. Все аккуратно уложено, все на своих местах, ничего не сдвинуто, не потревожено. Поверх вещей – кожаный портфель. В нем – маленькая «лейка» и две кассеты с пленкой. Обе коробочки запечатанные, не вскрытые. Анна провела ногтем по крышке футляра, открыла фотоаппарат. И слегка усмехнулась. Почти невидимый светлый волос, который она там положила, исчез. Она ловко насыпала на блестящий кожаный бок портфеля белого порошка, сдула – кожа осталась блестящей и чистой. Ни одного отпечатка пальцев. А ведь она сегодня утром, после того как смазала брильянтином свои гладкие льняные волосы, бралась за портфель. На нем должны были остаться отпечатки пальцев, ее собственных.

Она усмехнулась еще раз.

«Хорошая работа, – пробормотала она про себя. – Но не слишком...»

Быстро уложив в сумку вещи для ночевки, она снова спустилась вниз, подозвала такси и дала водителю адрес: Элмсли-Гарденс, 17.

Это оказался маленький, довольно невзрачный домик в районе Кенсингтона. Анна заплатила таксисту и взбежала по ступенькам к облупленной парадной двери. Нажала кнопку звонка. Прошла минута, другая. Наконец дверь отперла пожилая женщина, у которой было настороженное выражение лица, тут же сменившееся приветливой улыбкой.

- То-то мисс Элси будет рада вас видеть. Она в кабинете. Только тем и держится, что вас ждет.

Анна быстро прошла по полутемному коридору в глубь дома и открыла одну из дверей. Комната была тесная, уютная, с большими старыми кожаными креслами. В одном из кресел сидела женщина. При появлении Анны она вскочила.

- Анна, родная.

- Элси.

Они нежно расцеловались.

- Все уже условлено, - сказала Элси. - Я ложусь сегодня. Будем надеяться, что...

- Спокойнее, Элси, - ответила ей Анна. - Все будет в полном порядке.

2

Тщедушный смуглый господин в макинтоше[28 - Макинтош - пальто из непромокаемой ткани, названо по имени шотландского химика Макинтоша, нашедшего способ изготовления этих тканей.] вошел в будку телефона-автомата на станции метро «Кенсингтон - Хай-стрит» и набрал номер.

- Граммофонная фирма «Валгалла»?

- Да.

- Говорит Сэндерс.

- «Сэндерс, Начальник реки»? [29 - «Сэндерс, Начальник реки» - популярный приключенческий роман Эдгара Уоллеса (1875-1932).] А какой реки?

- Реки Тигр. Докладываю про А.Ш. Прибыла из Нью-Йорка сегодня утром. Отправилась к «Картье». Купила кольцо с сапфиром и бриллиантами на сумму сто двадцать фунтов. Посетила цветочный магазин Джейн Кент, покупка на двенадцать фунтов восемнадцать шиллингов, цветы велела доставить в больницу на Портланд-Плейс. [30 - Портланд-Плейс - широкая улица в центральной части Лондона, на которой находятся здания некоторых посольств.] У «Болфорда и Эйвори» заказала юбку и жакет. Ни одна из названных фирм в подозрительных связях не замечена, но в дальнейшем они будут находиться под пристальным наблюдением. Номер А.Ш. в «Савое» подвергнут тщательному осмотру. Ничего подозрительного не обнаружено. В портфеле, уложенном в чемодан, находятся документы, относящиеся к слиянию с фирмой Вольфенштейнов. Все подлинные. Фотоаппарат и две катушки пленки, по виду не использованной. На случай, если пленки содержали фотостатические материалы, они были заменены другими, но проверка показала, что это действительно неиспользованная фотопленка, и ничего больше. А.Ш. взяла небольшую сумку и поехала к сестре по адресу Элмсли-Гарденс, 17. Сестра сегодня вечером ложится на операцию в больницу на Портланд-Плейс. Подтверждено служащими в больнице, а также записями в книге хирурга. Приезд А.Ш. выглядит вполне естественным. Слежки не заметила, нервозности не выказала. Сегодня, по-видимому, ночует в больнице. Номер в «Савое» оставила за собой. Обратный билет на пароход до Нью-Йорка забронирован на двадцать третье число.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дорогу! (араб.)

2

Ар-Рашид – главная торговая магистраль Багдада; названа именем легендарного халифа Харун-ар-Рашида.

3

Тигр – крупная река в Ираке и Турции, сливается с рекой Евфрат. Междуречье Тигра и Евфрата – один из древнейших центров цивилизации (Вавилония, Ассирия, Шумер).

4

Ярд – единица длины в системе английских мер, равная 0,9144 м.

5

Оттоманка – широкий мягкий диван с подушками, заменяющими спинку, и с валиками по бокам.

6

Киркук – город на северо-востоке Ирака (в Курдистане).

7

Здесь явный намек на Иосифа Сталина (1879–1953), которого в правительственных кругах Запада именовали не иначе как «дядя Джо».

8

Британский музей – один из крупнейших музеев мира, в Лондоне, открыт в 1759 году. Памятники первобытного, древневосточного, средневекового искусства, собрания рисунков, гравюр, рукописей, керамики, монет, медалей.

9

Бернадотт – шведский дипломат, в 1949 году был похищен палестинскими террористами.

10

Тутинг – лесопарковая зона на юге Лондона.

11

Канapé – небольшой диван с приподнятым изголовьем.

12

Виктория – большой лондонский вокзал, соединяет столицу с портами на южном побережье Англии.

13

Королева Виктория (1819–1901) – королева Великобритании с 1837 года, последняя из Ганноверской династии.

14

Шекспир Вильям (1564–1616) – английский поэт и драматург. Крупнейший гуманист эпохи Возрождения.

15

Мильтон Джон (1608–1674) – английский поэт и политический деятель. Основные литературные произведения – «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», где, используя библейские сюжеты и образы, он отразил события английской революции XVII века.

16

Британский совет – правительственная организация по развитию культурных связей Великобритании с зарубежными странами.

17

Уехать – значит отчасти умереть (искаж. фр.)

18

Слова Ромео в сцене прощания с Джульеттой (акт II, сц. 2).

19

Кенсингтон – рабочий район Лондона на южном берегу реки Темзы.

20

«Картье» – известный ювелирный магазин, расположенный на Бонд-стрит.

21

Бонд-стрит – одна из главных торговых улиц Лондона; известна фешенебельными магазинами, особенно ювелирными, и частными картинными галереями. На Бонд-стрит жил национальный герой Британской империи адмирал Нельсон (1758–1805).

22

Трафальгар-сквер – площадь в центральной части Лондона; одно из известнейших мест города; здесь проводятся различные митинги и демонстрации, на площади находится памятник адмиралу Нельсону; названа в память о победе английского флота в трафальгарском сражении.

23

Адмиралтейство – здание в Лондоне, где до 1964 года находилось Адмиралтейство – Военно-морское министерство Великобритании.

24

Пэл-Мэл – улица в центральной части Лондона, на которой расположены несколько известных клубов.

25

Пикадилли – одна из главных улиц в центральной части Лондона.

26

Сэвил-роу – улица в Лондоне, где расположены дорогие мужские ателье.

27

«Савой» – одна из самых фешенебельных лондонских гостиниц на улице Стрэнд.

28

Макинтош – пальто из непромокаемой ткани, названо по имени шотландского химика Макинтоша, нашедшего способ изготовления этих тканей.

29

«Сэндерс, Начальник реки» – популярный приключенческий роман Эдгара Уоллеса (1875–1932).

30

Портланд-Плейс – широкая улица в центральной части Лондона, на которой находятся здания некоторых посольств.

Купить: <https://tellnovel.com/agata-kristi/bagdadskaya-vstrecha-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)